

В разгар лета Гималаи по-прежнему покрыты вечными, не тающими сбытней веков снегами — одинокими и ледяными. Но в один день, спустя миллионы лет после их появления, когда уровень развития человеческих технологий позволил людям исследовать космос, они неожиданно обнаружили в недрах гор доселе неизвестный элемент. После проведенных тестов люди с изумлением выяснили, что этот элемент ценнее любого из известных в настоящее время металлов. Он обладал невероятной значимостью не только в аэрокосмической промышленности и других передовых технологиях, но даже обычные люди были покорены его кристальной чистотой, округлостью, таинственной и утонченной красотой. И тогда эта новая находка, получившая название куньлуньский нефрит, свела с ума людей, свела с ума государство, а вслед за ними — и весь мир.

Грохот мотора, словно яростный рев дикого зверя, эхом разносился по всей пещере. Было уже близко к полудню, а дедушка Чжао, управлявший экскаватором, и его помощник Лю У всё еще отчаянно копали вперед. Каждая тонна руды скрывала в себе тот самый элемент: помимо оклада, за каждую дополнительно добытую тонну руды они получали весьма неплохое вознаграждение, поэтому, хотя приближалось время обеда, оба мужчины хотели добыть еще немного.

Но именно в этот момент дедушка Чжао, прибавивший мощности машине и продвигавшийся вперед, вдруг почувствовал неладное: сопротивление впереди внезапно ослабло, а следом раздался оглушительный грохот — горная стена впереди обрушилась. Это зрелище напугало обоих мужчин до полусмерти: не хватало еще, чтобы рухнула вся стена пещеры, тогда им обоим пришел бы конец.

Спрыгнув с экскаватора и не пробежав и двух шагов, Лю У остановился. Посветив вокруг фонариком, он произвел:

— Учитель, кажется, проблему составила не вся стена пещеры.

Дедушка Чжао к тому времени тоже пришел в себя. Вытерев холодный пот со лба, он отозвался:

— Ага, мне тоже так послышалось. Пойдем, взглянем, что там впереди.

Груды обломков перед экскаватором нагромодились высокой горой, наглухо засыпав даже ковш на передней части машины. Похоже, обрушилась лишь передняя каменная стена. Осторожно взглянув наверх и убедившись в отсутствии опасности, мужчины, поддерживая друг друга, перебрались через эту груду камней.

Впереди лежало на вид очень просторное открытое пространство. Хотя они долго водили вокруг лучом фонарика, рассмотреть что-либо вдаль так и не удавалось. От увиденного мужчины невольно испытали тревогу: ведь они находились в самом сердце Гималаев, откуда здесь взялось такое огромное пространство?

Дедушка Чжао уже не решался идти дальше и нерешительно хотел повернуть назад, однако Лю У, чрезвычайно заинтересованный открывшимся зрелищем, ухватил дедушку Чжао за

руку и уговорил:

— Идем, учитель, неужто вы испугались? Давайте посмотрим, что там впереди, вдруг на этот раз нам удастся сорвать куш.

Дедушка Чжао не смог переубедить его, да к тому же под влиянием его слов в нем самом всколыхнулась жадность. В итоге он, ступая то твердо, то оступаясь, поплелся следом за Лю У в темноту.

Пройдя всего чуть больше ста метров, мужчины больше не могли продолжать путь: перед ними раскинулся уходящий в бездонную темноту гигантский провал. Оттуда веяло зловещим холодом, и в тишине смутно слышались жуткие звуки, напоминавшие рев чудовища. На этот раз дедушка Чжао решительно не смел идти дальше. Остановившись у края обрыва, он пробормотал:

— Давай вернемся скорее, с чего это у меня сердце так колотится?

Лю У ничего не ответил, потому что заметил у самого обрыва высеченные прямо в скале каменные ступени. Эти ступенчатые маршоды были сплошь усыпаны ярко сверкающим в темноте куньлуньским нефритом. Увидев это, он сделал шаг, собираясь ступить на лестницу, но дедушка Чжао поспешно преградил ему путь:

— Не спускайся туда, это слишком опасно, давай лучше скорее вернемся.

Лю У оттолкнул его руку и воскликнул:

— Ты видишь, что там внизу? Если мы подберем всё это, разве мы не сказочно разбогатеем?

Дедушка Чжао не смог его остановить и мог лишь с замиранием сердца смотреть, как тот спускается. Лю У шагал по ступеням и горстями набивал куньлуньским нефритом набедренную сумку для инструментов. Но именно в этот момент дедушка Чжао, растерянно шаривший вокруг лучом фонарика, заметил нечто странное на своде пещеры. Напряженно вглядевшись наверх, он разглядел восемь кроваво-красных печатных иероглифов в стиле иньвэнь: «Ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя».

Прочитав эти слова, дедушка Чжао почувствовал, как у него в голове гулко зазвенело. Он поспешно закричал сорванным, изменившимся голосом:

— Поднимайся наверх, живо поднимайся наверх!

Никто ему не ответил. Лю У, который только что сгибался в три погибели на ступенях, собирая сокровища, бесследно исчез. Лишь наполовину наполненная сумка с инструментами одиноко валялась на камнях. Зловещий ветер со дна пещеры обдувал лицо дедушки Чжао, словно завывание призраков. Отроду не испытывавший такого ужаса, дедушка Чжао испустил безумный вопль и со всех ног бросился бечь к выходу из пещеры.

На расстоянии ровно тысячи метров от вершины Джомолунгмы одинокая фигура, подобно улитке, продвигалась к пику. Вокруг расстилались ослепительно-белые снега, каждый шаг требовал огромных усилий, а завывающий горный ветер то и дело раскачивал это крошечное создание. Эту фигуру звали Тан Тао, он был бедным студентом второго курса захудалого университета, специализирующимся на ископаемых млекопитающих.

К тому моменту Тан Тао устал так, что тяжело дышал, словно бык, а горный ледоруб в его руке казался отяжелевшим на тысячу цзиней. Было невыносимо тяжело: истощение сил и нехватка кислорода заставили его остановиться, чтобы опереться на ледоруб и перевести дух. Жалкий кислород, проклятая горная болезнь — хотя обычно его тело отличалось отменным здоровьем, сейчас он едва держался на ногах.

Вернуться назад? Эта мысль мелькнула лишь на мгновение, и он тут же отбросил ее. Если вернуться, разве не засмеют до смерти те дураки? Ведь он поспорил с ними: стоит ему взобраться на вершину, как они оплатят всю его еду на будущий год, да еще по высшему разряду — он сможет целый год есть тушеную картошку с куриными carcasses. Для него, человека, которому ради покупки нижнего белья приходилось отрезать лоскутки ткани на носовые платки, это было поистине неслыханно. И дело было не только в этом: Тан Тао хотел показать этим ничтожествам, что такое настоящий мужчина. Истинный мужик — это вам не те живые отбросы, которые смогли осилить лишь три тысячи с небольшим метров высоты и наотрез отказались подниматься дальше.

А как же Ли Ли с ее невероятно горячей фигурой? Разве она не обещала подарить ему страстный поцелуй губ в цвете алого пламени, если он доберется до вершины? Эту награду он непременно заберет! При этой мысли Тан Тао сжал зубы, сделал еще один глубокий вдох из почти пустого кислородного мешка и снова устремился вверх по склону.

Спустя ровно два часа, когда до вершины оставалось всего сто последних метров, сердце Тан Тао переполняло дикое волнение. Он все-таки поднялся! И подумать только, кое-кто называл его одиночное восхождение разновидностью самоубийства. Зато еда на весь следующий год уже в кармане, причем такая, где мясо будет каждый день — какой дурак захочет убивать себя ради этого? Глядя на близкую, прямо перед глазами, вершину, Тан Тао вдруг вспомнил строчку из стихотворения: Море доходит до края небес — и небо становится берегом, гора поднимается до пика — и я становлюсь вершиной.

Говорят, те, кто покоряет вершины, всегда водружают там какие-то флаги? Он даже продумал этот момент. Флага у него не было, зато он прихватил с собой те самые семейные трусы с квадратной прорезью сзади. Теперь, когда он тоже стал человеком, покорившим Джомолунгму, он взойдет наверх, размахивая ими, и торжественно привяжет те трусы к самому верху оставленного кем-то флагштока. Пусть будущие поколения знают, что здесь тоже ступала его нога. Что же до того, в чем он пойдет обратно — по сравнению с этим существенной проблемой не казалось.

Но пока он, присев на корточки и опустив голову, шарил по карманам в поисках трусов, до него вдруг донесся оглушительный рев мотора. Подняв голову, он с изумлением увидел, как из-за другого края вершины вынырнул до зубов вооруженный боевой вертолет. Тан Тао собственным глазам не верил: откуда здесь эта штука? Неужели его горная болезнь усилилась и начались

галлюцинации?

Пока Тан Тао стоял остолбенев, вертолет подлетел прямо к нему. Дверь кабины отворилась, и оттуда выглянул бородатый мужик, принявшись орать во всю мочь.

Ветер ревел, да и шум вертолета стоял такой, что Тан Тао не разобрал ни слова из того, что кричал бородач. Однако по его жестам было очевидно: тот требовал, чтобы он убирался назад.

Чертов иностранец заявился на Джомолунгму покрасоваться, да еще на боевом вертолете! Чего это он удумал? Объявить вершину своей национальной территорией? Хрен вам! (ругательство). Смелости вам занимайтесь — это китайская земля, и он сейчас же пойдет и привяжет свои трусы к самой макушке пика, а потом на чужой цифровой фотоаппарат нащелкает пару кадров их мерзких рож, чтобы весь мир увидел истинное лицо этих людей.

Приняв окончательное решение, Тан Тао помахал в воздухе теми самыми семейными трусами, способными поспорить размерами с флагом ООН, оперся на ледоруб и снова полез вверх. Но не успел он сделать и двух шагов, как раздался еще один страшный грохот, и тяжелый, подобно горе Тайшань, воздушный удар тяжело обрушился на него. Тан Тао ру навзничь, трусы выскользнули из рук, но сейчас ему было не до них: падая, он краем глаза заметил два истребителя с вырывающимися из сопел языками пламени, которые с противоположной стороны стремительно взмыли у него над головой.

Тан Тао яростно помотал головой: эти самолеты казались такими знакомыми! Похоже, он видел их на картинках в журналах — F-22 и Су-37. Быть того не может, как эти две машины могли оказаться вместе? Говорят же, что они заклятые враги. Что они здесь, авиашоу устраивают? Не может быть, разве выставку не в Чжухае проводят? Ох, худо дело! Неужели американские черти и русские варвары объединились, чтобы напасть на них?

Осознав всю серьезность положения, Тан Тао забыл о том, чтобы подняться, и судорожно запустил руку в сумку. Он должен сфотографировать эти самолеты, а затем немедленно передать снимки местным властям — даже ценой собственной жизни он не позволит им добиться своего.

В тот самый момент, когда он пытался сделать снимок, Тан Тао внезапно почувствовал, как кто-то мертвой хваткой вцепился в его одежду. Что такое? Они хотят убить свидетеля? Взбешенный до предела Тан Тао сунул фотоаппарат обратно, резко развернулся и саданул этого человека ледорубом. Тот отпрянул и отпустил его — это оказался тот самый бородач, только неизвестно когда успевший спуститься с вертолета на страховочном тросе.

Сейчас он вовсю тыкал в сторону Тан Тао пальцем, что-то орал и отчаянно жестикулировал, призывая подойти к нему. Черт с ним, что бы это ни значило! Тан Тао занес ледоруб перед грудью, принимая стандартную позу ночного боя стиля восьми триграмм — этому приему его лично обучил сторож дедушка Чжао из колледжа. Едва он собрался броситься вперед, как земля под ногами затряслась с дикой силой, и он услышал, как бородач сорванным, отчаянным голосом закричал по-английски:

— Лавина! Беги сюда!

Затем раздался оглушительный грохот, будто раскалывался сам мир. Тан Тао почувствовал, как почва под ногами уходит из-под ног, и в следующее мгновение рухнул в снег, словно прыгун в воду.

Конец. Провалившись в снег, Тан Тао в этот момент испытал полнейшее отчаяние. Оглядываясь назад и мысленно перебирая недавние события, он понял: какое к черту вторжение? Чистой воды съемки фильма! И надо же было ему выбрать для восхождения именно этот день! Раньше он читал в книжках, что попасть в лавину, да еще в таком месте — это верная смерть. Все эти обещания бесплатной еды на целый год, горячие поцелуи губ цвета алого пламени и план вывесить трусы на крыше мира меркли перед возможностью прожить на этом свете еще хоть денек. Ему ведь всего двадцать, он чертовски не хочет становиться призраком без трусов!

Но прошло всего несколько секунд падения, как Тан Тао сообразил, что что-то не так. Хотя началась лавина, похоже, он провалился в горную трещину! Если это действительно так, разве не удастся ему избежать участи быть заживо погребенным и задохнувшимся под этой толщей снега? Осознав это, Тан Тао вмиг обрел твердую веру. Стремительно пролетая вниз, он отчаянно загребал руками и ногами в снежном мешке, надеясь зацепиться за что-нибудь, чтобы сбавить эту сумасшедшую скорость падения. Однако всё было напрасно: траектория полета из наклонно-скользящей мгновенно превратилась в вертикальную, а скорость возросла больше чем вдвое.

Он отчаянно орудовал зажатым в руке ледорубом. И хотя каждое втыкание в ледяную стену хоть немного замедляло падение, чудовищная масса падающего тела вмиг сводила все усилия на нет. Толк от этого был невелик, но он все равно отчаянно скреб стену, надеясь, что один удачный удар зацепит кусок скалы — и его никчемная жизнь будет временно спасена.

Небеса услышали его мольбы! В тот самый момент, когда глаза Тан Тао уже налились кровью от отчаяния, ледоруб в его руке издал глухой щелчок и за что-то зацепился. Скорость падения резко упала, а страховочный трос, пристегнутый к железному кольцу на поясе, вмиг натянулся как струна. Мощный толчок от погасшей инерции отозвался дикой болью в пояснице, отчего у парня в глазах потемнело и он едва не задохнулся. Преодолевая адскую боль, он расплылся в улыбке: его маленькая жизнь все-таки спасена! И какая удача, что он не послушал тех дураков и не обмотал страховочный трос вокруг запястья, иначе от такого рывка кисть руки давно бы оторвало.

Но в самый разгар счастливой улыбки сверху донесся какой-то шум. Ошеломленный, он только хотел запрокинуть голову, как огромный ком снега по пробитому им же желобу тяжело обрушился ему на голову. Снег был не сказать чтобы жестким, но по ощущениям ничем не уступал удару дубинки. У Тан Тао в глазах вспыхнуло черным, а перед взором заплескали искры. И это было еще не самое страшное! От удара тело качнуло, точка опоры ледоруба сорвалась, и Тан Тао почувствовал, как его тело стремительно проваливается вниз — то самое свободное падение, от которого чуть не обделаешься со страху, возобновилось.

<http://bllate.org/book/22002/2287473>